

УДК 81.38

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬМИНАЦИИ В НЕМЕЦКОМ КОРОТКОМ РАССКАЗЕ

С.А. Кароннова

Вологодский государственный университет, Вологда

В статье рассматриваются лингвостилистические средства создания напряжения, то есть кульминации в немецком коротком рассказе. На примере рассказов В. Кёпфена, К. Марти и Э. Ленца выделены и проанализированы основные стилистические приемы и тропы, участвующие в создании традиционной кульминации.

Ключевые слова: кульминация, анализ текста, градация, стилистические средства.

В художественном тексте кульминация представляет собой наиболее напряженный момент в развитии действия, некое испытание, которое максимально заостряет проблему художественного произведения и решающим образом выявляет внутренние качества персонажей. Чаще всего кульминация находится в конце произведения, однако также наблюдается начальная позиция ее в рассказе для создания у читателя напряженного ожидания уже с первых строк.

Во взятой в данной статье за основу классификации кульминаций Т.В. Лияскиной по типу разрешения напряжения кульминации делятся на традиционную, базирующуюся на подтвержденных ожиданиях, представляющую собой логическое завершение цепи событий; антикульминацию, являющуюся результатом обманутого ожидания и имплицитную кульминацию, присутствующую как элемент фрейма рассказа, но отсутствующая в тексте самого рассказа [Лияскина 2001: 41-50].

Обратимся к лингвостилистическим средствам создания традиционной кульминации на примере немецких коротких рассказов.

В рассказе Вольфганга Кёпфена «Ein Heizer wird toll» повествование начинается с разъяснения автором иерархического общества на пароходе, где низшие по званию подвергаются издевкам, а офицеры названы «die großen Herrn».

Действие рассказа происходит ночью. Триггером ожидания является описание погоды и того, как пароход плыл по беспокойному морю:

Das Wetter war trübe und kalt, schwere, breite Wellen schlugen vorn vor das Schiff, so dass es von Wellenberg zu Wellental rollte und seine Maschine von Anstrengung keuchte (Что-то должно случиться... 1997: 90).

Далее напряжение возрастает: внезапно рулевой разбудил всех и сказал, как кочегар Вильм убил капитана, уверяя, что кочегар сошел с ума (ist toll geworden).

Затем, используя прием объективно-авторской ретроспекции, автор рассказывает о Вильме, описывает его внешность с помощью эмоциональной восходяще-нисходящей градации, проявляющейся в ряде прилагательных «bücklig – verdreht – maskenhaft starr – hässlich». Однако дальше он противопоставляет его ужасную внешность его душе, которая желала любви, используя словосочетание «ein unerhört starkes Verlangen nach Liebe».

Вильм был частым объектом насмешек, никто с ним не общался и он думал, что все люди плохие. Все изменилось после того, как однажды молодой повар помог ему с тяжелым ковшом золы. Вильм, ожидавший очередного издевательства, воспринял это как чудо, и с тех пор они подружились. Однако Вильм желал молодого и привлекательного юношу, но понимал, что если скажет ему о своих сокровенных чувствах, то может потерять единственного друга и поэтому молчал. С этой поры угрюмый кочегар, выносивший многое от матросов, стал защитником повара. Позже Вильм пришел к заключению, что должен отомстить «владельцам этого мира» и случилось то, о чем рассказал рулевой.

Все собралось на палубе. Здесь начинается кульминация рассказа, заключающаяся в пламенной речи кочегара, который, казалось, был не способен так красиво говорить:

Die Situation war eben verrückt. Wilm schaute sie an, lächelte gütig und schmerzlich, stieg hinab und ging unter sie, wo er bebend bekannte:

„Ihr musst mich verstehen: seit dreißig Jahren bin ich der elendeste, freudenloseste Sklave auf aller Herren Schiffe. Im Roten Meer, in Brasilien, in Indien stand ich vor den flammenden Türen der Feuer. Wo die Glut am gewaltigsten wütet, wo andere besinnungslos zu Boden sanken, wurde mir diese Gnade nicht. In China holte sich mein Schiff einmal eine Seuche, ich pflegte die Kranken und Sterbenden, um selbst zu sterben, und ich blieb gesund. Ich schuftete weiter, getreten, von Spott zerrissen. Jedes Schiff wurde mir zum Fegefeuer, jeder Hafen zur Hölle. Nun habe ich sie niedergeschlagen, den Kapitän, die Steuerleute, die Maschinisten, alle, die auch euch brüllend demütigten. Euch gehört das Schiff, euch die Ladung, ihr könnt fahren, wohin ihr wollt, und wenn ihr arbeitet, so arbeitet ihr für euch“ (Что-то должно случиться... 1997: 90).

Впервые именно в кульминационном моменте Вильм заговорил, и на его лице появилась улыбка. Все, что накипело, он выразил в этой последней речи, обращенной к простым рабочим на пароходе.

Напряжение в кульминации создается с помощью эмоциональной градации, которая заставляет читателя все больше и больше сочувствовать несчастному кочегару. Сначала он, используя превосходную степень прилагательных и гипербатон (разъединение смежных слов), называет себя «der elendeste, freudenloseste Sklave auf aller Herren Schiffe», заставляя читателя сочувствовать его судьбе. С помощью метафоры «vor den flammenden Türen

der Feuer» и предложения «... wurde mir diese Gnade nicht» описывается опасность его работы. Вильм хотел умереть во время эпидемии на пароходе, ухаживая за больными и умирающими, но остался жив.

Окончательное разочарование кочегара в своей жизни выражено эмоционально-оценочной лексикой, такой как глагол «schuften», эпитетом «getreten» и метафорой «von Spott zerrissen». Апогея эмоциональная кульминация достигает в предложении с анафорой и эллипсисом «Jedes Schiff wurde mir zum Fegefeuer, jeder Hafen zur Hölle», где Вильм сравнивает каждый корабль с чистилищем, а каждый порт с адом. Синтаксический параллелизм и анафорические повторы создают непрерывность потока мыслей и помогают усилить эмоциональный фон градации. Также стоит отметить, что кульминация данного рассказа ретроспективна и не является прямым следствием динамики рассказа.

Знакомство с юным поваром, который не отвернулся от него, принесли в его жизнь немного радости и желания что-то изменить, а не просто уйти из жизни, и Вильм совершает убийство не ради себя, а ради других рабочих, которые также как и он были «несчастнейшими, безрадостными рабами всех господских кораблей». В предложении «Nun habe ich sie niedergeschlagen, den Kapitän, die Steuerleute, die Maschinisten, alle, die auch euch brüllend demütigten» присутствует амплификация, которая усиливает речевое воздействие. С помощью киклоса (нем. Kyklos), осложненного эллипсисом «Euch gehört das Schiff, euch die Ladung, ihr könnt fahren, wohin ihr wollt, und wenn ihr arbeitet, so arbeitet ihr für euch», синтаксического параллелизма и анафорических повторов акцентируется внимание на том, что теперь им, простым людям, принадлежит корабль.

Разрешение наступает, когда Вильм закончив свою речь, бросился в море. Рабочие были ошарашены, однако, речь кочегара не подтолкнула их к бунту, так как они не могли пойти против власти.

Рассмотрим средства создания традиционной кульминации рассказа Курта Марти «Neapel sehen». Это рассказ о работнике фабрики, который ненавидел свою работу и все, что было с ней связано. Это можно проследить уже с самого начала текста. Автор показывает противоречивость и абсурдность действий главного героя, который работает на фабрике, которую ненавидит, но эта работа дает ему определенный материальный достаток – свой дом и садик. Он строит забор, чтобы не видеть ненавистный ему объект:

Er hatte eine Bretterwand gebaut. Die Bretterwand entfernte die Fabrik aus seinem häuslichen Blickkreis. Er hasste die Fabrik (Erzählungen der Gegenwart VI 1989 : 30).

Далее автор эскалирует напряжение с помощью количественной градации, усиленной эмоциональной, заключающейся в анафорическом повторе в каждом предложении «Er hasste...» и синтаксического параллелизма. Мужчина ненавидел станок, на котором работал, его темп, ненавидел жену, врача и начальника, которые пытались уберечь его от напряженной работы. Он

ненавидел «лицемерное внимание» к его проблеме. Все то, что он ненавидел, образует количественную градацию, которая показывает, как много времени и сил ненависть отнимала у главного героя.

Затем привычная для него ситуация меняется: после 40 лет работы он заболел и слег. Ему был предписан постельный режим. Дома он лежал и смотрел на садик и забор, который закрывал ему вид на фабрику. Далее с помощью слов жены и врача, которые говорили ему, что он поправится, но мужчина им не верил, автор наталкивает читателя на предполагаемое разрешение конфликта. Также это подтверждается названием рассказа, которое является частью фразеологизма «*Neapel sehen und sterben*». Однако, вторая часть его скрыта для сохранения интриги до конца рассказа.

Казалось, что главный герой должен был быть счастлив, что не будет видеть ненавидимое всей душой место. Однако теперь его приоритеты в любви и ненависти начинают меняться на диаметрально противоположные, и здесь начинается кульминация рассказа, созданная с помощью количественной градации, показывающей разрушение забора: «*nach drei Wochen – zwei Bretter – nach einer Woche – die Bretterwand zur Hälfte – nach vierzehn Tagen – die stehengebliebene Hälfte der Bretterwand*». Она показывает, как менялось отношение героя к фабрике, когда он оказался прикованным к кровати. Это доказывается в таких предложениях как:

Zärtlich ruhte der Blick des Kranken auf seiner Fabrik, verfolgte das Spiel des Rauches über dem Schlot, das Ein und das Aus der Autos im Hof, das Ein des Menschenstromes am Morgen, das Aus am Abend.

... Als er Büro sah, die Kantine und so das gesamte Fabrikareal, entspannte ein Lächeln die Züge des Kranken (Erzählungen der Gegenwart VI 1989 : 30).

С помощью инверсии «*Zärtlich*», метафоры «*das Spiel des Rauches über dem Schlot*», «*ein Lächeln entspannte*», повторов, эллипса, синтаксического параллелизма, автор разрушает атмосферу ненависти. Ожидания читателя, созданные названием рассказа, подтверждаются, и главный герой умирает через несколько дней.

Рассмотрим еще один пример создания традиционной кульминации в рассказе Зигфрида Ленца «*Die Dicke der Haut*».

Рассказчик, массажист, приходит с Брунсвику, молодому человеку, который имеет «измученную заботами» девочку-служанку и собаку. Он описан как упитанный человек. Рассказчик начинает массаж и вдруг слышит, как скулит собака. Брунsvик рассказывает, что он каждую неделю он оставляет свою собаку на полтора дня голодной, «*<...> ein Hund muss wissen, von wem er das Futter bekommt, und dass das Futter nicht etwas Alltägliches ist*», «*Wer seinen Hund liebt, muss ihn hungern lassen*». Массаж продолжался, вдруг герои слышат вместо жалобного скуления радостный лай. Брунsvик настораживается, однако, это скоро прекращается. У читателя появляются опасения

насчет того, что собака выживет при таком обращении после того, как главами рассказчика она описана так:

...die weißen, muskellosen Beine, den hängenden Hüftspeck, den fahlen und gewölbten Nacken; rasch senkte und hob ich die weiche, unbehaarte Brust, aufmerksam bewegten sich die kleinen Augen in den blassen Fettpolstern: Das freudige Gebell des Hundes wiederholte sich nicht (Книга для чтения на немецком языке 2003: 103).

Данное предложение изобилует прилагательными, которые помогают создать соответствующее напряжение и вызывают жалость к собаке. Примечательным в данном рассказе является то, что автор использует слова «Fett» и «Speck», описывая голодающее животное. Название рассказа, переводящееся как «Толстокожесть», может относиться как к самому Брунsvику (как в прямом смысле, так как он был полным, так и в переносном – он был непреклонен в подобном «воспитании» своего пса), так и к его собаке, кожа которой висела от резкого похудения.

После массажа Брунsvик спрашивает служанку, готов ли завтрак. Она упоминает собаку. Брунsvик говорит, что она получит корм завтра. Далее начинается кульминация рассказа:

„Nein“, sagte das Mädchen, „der Hund, ich glaube, der Hund stirbt. Irgendwer hat ihm etwas über den Zaun geworfen. Und er hat es gefressen, und jetzt liegt er unter Johannisbeeren und zuckt. Vielleicht haben sie ihm etwas Giftiges gegeben, weil er immer so jaulte.“

„Ich werde nachsehen“, sagte ich, „ich geh mal runter“

Das Mädchen brachte mich runter, zeigte mir den Garten und die schwarzen Johannisbeeren, und unter dem Busch lag der Hund. Er war ein magerer, braungefleckter Hund: Friedlich, die Pfoten ausgestreckt, so lag er auf der Seite im Gras unter den Johannisbeeren. Die Schnauze war leicht geöffnet, winzige, grünliche Schaumblasen standen an seinen Lippen: Der Hund zuckte nicht mehr, er war tot (Книга для чтения на немецком языке 2003 : 104).

Таким образом, ожидания читателя оказываются подтвержденными. Однако слегка неожиданным становится то, что собака умирает не от своеобразной диеты, которую ей назначил ее хозяин, а от отравления едой, которую ей бросили за забор. То есть Брунsvик лишь наполовину виновен в смерти своей собаки. В данной кульминации автор создает некоторый контраст: «mager», «zuckte», «winzige, grünliche Schaumblasen», «tot» несколько нивелируются наречием и деепричастным оборотом «friedlich, die Pfoten ausgestreckt», которые означают, что мучениям животного пришел конец.

Далее напряжение начинает спадать: рассказчик поднимается в дом, собирает свои принадлежности и договаривается с Брунsvиком о завтрашнем массаже. Однако, в самом конце подтверждаются ожидания читателя также и насчет перемены отношения массажиста к Брунsvику: рассказчик говорит,

что обещая прийти снова, он лжет.

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что традиционная кульминация создается при помощи ретроспекции, которая помогает воссоздать картину, описываемую в рассказе, прояснить моменты из жизни персонажей и тем самым натолкнуть читателя на именно то разрешение напряжения, которое задумал автор. Также в создании традиционной кульминации участвуют различные градации, которые создаются с помощью различных стилистических приемов и тропов: метафор, эпитетов, синтаксического параллелизма, различных повторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лияскина Т. В. Лингвостилистические средства создания кульминации: На материале английских и американских коротких рассказов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.В. Лияскина; Московск. гос. лингв. ун-т. – М. [б.и.], 2001. – 165 с. – На правах рукоп.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Книга для чтения на немецком языке = Deutsches literarisches Lesebuch: книга для чтения / сост. И. И. Сущинский. – М.: Филоматис, 2003. – 208 с.

Что-то должно случиться: книга для чтения = Es wird etwas geschehen: Рассказы немецких писателей / сост: И. П. Шишкина, Е. А Гончарова. – СПб: Просвещение, 1997. – 175 с.

Erzählungen der Gegenwart VII / сост.: F. Bachmann, I. Bachmann. – Bielefeld: Cornelsen Verlagsgesellschaft, 1989. – 60 S.

LINGUISTIC MEANS OF CREATING TRADITIONAL CLIMAX IN THE GERMAN SHORT STORY

S. A. Karonnova

Vologda State University, Vologda

The article discusses the linguistic-stylistic means of creating tension, that is, the climax in a German short story. On the example of the stories of V. Köppen, K. Marty and Z. Lenz, the main stylistic techniques and trails involved in creating the traditional climax are identified and analyzed.

Key words: *short story, climax, text analysis, gradation, stylistic means.*

Об авторе:

КАРОННОВА Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Вологодского государственного университета, *e-mail*: svet1976@bk.ru